

ФИЗИОКРАТЫ О СВОБОДЕ ТОРГОВЛИ И КОНКУРЕНЦИИ

Кривуц Ю.Н., к. э. н., профессор

Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина

Статья посвящена истории возникновения основополагающего принципа доктрины свободной торговли “Laissez faire...”

Ключевые слова: возникновение, формирование, принцип, доктрина, свободная торговля.

Актуальность настоящей темы предопределяется противостоянием двух основных доктрин внешней торговли – протекционизма и свободной торговли. Их создатели были категоричны: доктрины несовместимы, одна полностью и окончательно исключает другую. Сама же практика внешней торговли стран опровергла подобные утверждения. В зависимости от состояния национальной экономики и внешней среды экономическая политика правительств опирается на положения той или иной доктрины. В периоды экономического подъема – на положения доктрины свободной торговли, а в периоды спада и тем более кризиса – протекционизма.

В отечественной и зарубежной литературе, посвященной проблемам международных экономических отношений и, в частности, внешнеторговых, пока, к сожалению, не нашлось достаточно места описанию причин возникновения и функционирования основных доктрин внешней торговли. Акцентировалось и акцентируется внимание на содержании и особенностях теорий международной торговли – абсолютных преимуществ А. Смита, сравнительных преимуществ Д. Риккардо, факторов производства Э. Хекшера - Б. Олина и др., а не на поставленной проблеме.

Цель настоящей статьи состоит в воспроизведении ситуации, вызвавшей к жизни принцип “Laissez faire, laisser passer”, – основополагающий принцип доктрины свободной торговли, родиной которого стала Франция.

Основная часть. Примерно до середины XVIII ст. Франция претендовала на роль лидера в Европе. В стране работали многочисленные предприятия таких отраслей легкой промышленности, как бумажная, кожевенная, мыловаренная, текстильная, включая полотняную, шелковую, шерстяную. Интенсивно развивались стекольная и фарфоровая отрасли. Широкую популярность за рубежом приобрели предметы роскоши французского производства: атлас, бархат, гобелены, зеркала, кожа тонкая, мебель, парча, стекло художественное, парфюмерия, фарфоровые и ювелирные изделия. Славилась вина Бургундии и Шампани.

Все это позволяло Франции вести активную внешнюю торговлю с положительным сальдо в свою пользу. В значительной мере этому способствовали Канадская и Сенегальская компании, учрежденные кардиналом Ришелье в 1628 г. Ост- и Вест-Индские, Северная и Левантская компании были созданы в годы правления Кольбера. В 1685 г. возникла Гвинейская, или Южная компания. Она специализировалась на торговле неграми.

Первоначально удачной была торговая деятельность французов в Индии. Только капитал Ост-Индской компании к 1675 г. возрос до 4,9 млн. ливров.

Интенсивно развивались торговые отношения Франции с Ближним Востоком (Левантом), а с 1669 г., когда появилась Северная компания, – со странами Балтии, Скандинавии и России. Для усиления внешнеторгового оборота с северными странами в 1671 г. была создана Бордоская торговая компания.

В 70-е гг. из Франции вывозились в Испанию и оттуда в Южную Америку бархат, кружева, полотно, плюш, тафта, ткани, расшитые золотом и серебром, шляпы. В обратном направлении шли денежные металлы, какао, разнообразные колониальные товары.

© Кривуц Ю. Н., 2011

Дальнейшее развитие получила торговля Франции с европейскими странами. В начале 70-х гг. экспорт из Франции в Нидерланды ежегодно оценивался в 39,5 млн. франков. Примерно треть приходилась на вина, миндаль, оливки, фрукты. На 6 млн. франков вывозилось бархата, плюша, парчи и тафты; на 5 млн. холста и парусов, на такую же сумму одеял и матрацев. На 2 млн. экспортировалось лент, на такие же суммы зеркал, зонтов, поясов, часов и бумаги. Кроме того, в другие страны направлялись гребенки, галантерея, иголки, перчатки, пряжа и иные изделия французских мастеров. В то же время Франция нуждалась в черных и цветных металлах, в частности в меди.

Торговый оборот страны с 1716 по 1789 г. вырос с 80 до 750 млн. ливров, или почти в 10 раз. Небезынтересно, что по стоимости экспорт мыла, парфюмерии, пудры, румян был практически эквивалентен стоимости импорта шерстяных тканей [1, с. 216-218].

Как ни странно, но поступления от внутренней и внешней торговли растут, и одновременно увеличиваются дефицит государственного бюджета и государственный долг.

Если во времена Генриха IV бюджет Франции составлял 20-25 млн. ливров, то из них четверть расходовалась на военные нужды. В годы правления кардинала Ришелье, когда страна практически не воевала, поступления в бюджет возросли до 33-40 млн., из них более половины расходовалось на армию. В эпоху же правления Короля Солнце поступления в бюджет увеличились до 200 млн., из которых почти 75% направлялись на военные нужды. В канун Французской революции бюджетные поступления превысили 400 млн. ливров, из них 45 млн. расходовалось на жалованье 12 тыс. офицеров-дворян, столько же на содержание армии общей численностью в 135 тыс. солдат. В 25 млн. ливров обходилось содержание двора, около 30 млн. на пенсии тем, кто составлял старую родовую аристократию (около 80 тыс. человек). Остальная часть направлялась на обслуживание государственного долга.

Возрастающая динамика расходов требовала существенного увеличения поступлений в казну. В реальной жизни происходят такие события, какие этому не способствовали. В 1864 г. распущена Левантская и прекратила существование Северная компания. На основании Утрехтского мира Франция была вынуждена отдать Англии Акадию (Новую Шотландию), Ньюфаундленд и территории у Гудзонова залива. Семилетняя война решила судьбу Канады. Франция потеряла ее, как и другие колонии в Северной Америке. Сохранились лишь небольшие владения в Гвиане и несколько Антильских островов. Парижский мирный договор лишил Францию африканских колоний – Гамбии и Сенегала в пользу Англии [5, с. 201-202].

Со второй половины XVIII ст. Франция стала сдавать свои позиции. Замедлились темпы экономического роста, утрачивалась военная мощь, терялись заморские территории, обострялись социальные отношения внутри страны. Теперь торговля Франции с Америкой ограничивалась связями с Антильскими островами. Сократился товарообмен с испанской Америкой: французские товары попадали туда лишь благодаря посредничеству испанских комиссионеров [1, с. 216].

В этих условиях приходилось увеличивать налоговую нагрузку. Она возросла с 30-40% валового дохода до 55-65, и это притом, что налоговые поступления от духовенства не превышали четверти от их дохода (сословие насчитывало примерно 150 тыс. человек). Основным налогоплательщиком выступали занятые на земле. Доля крестьян в населении страны составляла почти 80%. Им приходилось:

- отработывать **барщину** – от 7 до 15 дней в году;
- вносить **шампар** – натуральный оброк в размере 20-25% урожая;
- платить **цензиву** (фиксированную денежную ренту) и **тальяу** (особый королевский налог, который за столетие вырос в 2,2 раза);
- вносить **подушный налог**;
- уплачивать **двадцатину** с прибыли и **десятину** с доходов в пользу церкви;
- платить **габель** – особый налог на соль (каждый крестьянин был обязан ежегодно покупать не менее 7 фунтов соли по установленной государством цене; отступление или нарушение нормы каралось каторжными работами или ссылкой на галеры).

И все это, не считая “мелочей” типа косвенных и чрезвычайных налогов и сборов, прежде всего в военное время (воевала же Франция практически постоянно).

Труженики не только полей, но и городов выплачивали различные сборы: мостовой, паромный, на право ловли рыбы и др.

Здесь нельзя не вспомнить и о 30 неурожайных годах в XVIII ст., что негативно сказалось на состоянии сельского хозяйства как приоритетной отрасли французской экономики и ее главной фигуры – крестьянине.

В лице крестьян (из 26-миллионного населения страны на них приходилось 24 млн.) промышленность не имела массового покупателя и была ориентирована на те слои общества, которые располагали свободными средствами. Это – представители королевского двора, дворянства и духовенства.

Развитие промышленного производства сдерживалось и самой цеховой структурой. Преобладали мелкие мануфактуры с численностью занятых от 10 до 50 человек, изредка встречались предприятия, на которых трудились около 100 человек.

Отрасли тяжелой промышленности вообще оказались «забытыми».

В отличие от Англии, где т.н. новые активно занимались предпринимательством, представители французского дворянства отказывались вкладывать свободные средства в отрасли материального производства, во внутренний и внешний товарный обмен. Все объяснялось сложившимися традициями и консервативной политикой правительства. Если французский дворянин начинал заниматься сельскохозяйственным или промышленным производством, вторгался в сферу обращения (занятий, как считалось, не для благородных людей), правительство лишало этого дворянина самой главной привилегии – освобождение от налогов, обязательных платежей и разных поборов. В такой ситуации оказывалось целесообразнее поступить на службу, занять церковную должность или еще лучше – пополнить штат королевских придворных.

Неслучайно многие мануфактуры существовали только благодаря государственной поддержке: кредитов, привилегий и т.п.

Отсюда становится понятно, почему в 1789 г. в общем объеме национального дохода в 24 млн. ливров вклад промышленности, прежде всего отраслей группы «Б», составил всего 600 тысяч.

Франция оставалась сельскохозяйственной страной (в городах проживало всего около 2 млн. человек). Аграрный сектор давал более 75 % национального дохода. Это наиболее важный и значимый компонент национальной экономики. Объективно крестьянство Франции оставалось основным производительным классом, а земледелец – ведущей фигурой этого класса.

Именно так характеризовали роль и значение «класса фермеров» физиократы, эти проповедники власти природы, которые сами называли себя экономистами.

Это была пора, когда стало модным писать и говорить о сельском хозяйстве как основе всякой цивилизации, фундаменте общественной жизни (даже фаворитка короля маркиза Помпадур одевалась молочницей).

Отрицательные стороны протекционистской политики меркантилистов, жесткой и всеохватывающей государственной опеки нигде не давали себя знать так, как во Франции.

Идея локализации и даже устранения вмешательства государства в экономическую реальность, а также идея о внедрении свободы торговли были провозглашены практически одновременно несколькими известными в обществе лицами. Многие из них вошли в группу, в центре которой был Ф. Кэне (1694–1774), выходец из земледельческой семьи, врач короля Людовика XV, с 1757 г. дворянин (среди участников группы был и молодой А. Смит, который с уважением относился к сторонникам естественного порядка вещей и упразднения таможенных барьеров, хотя и критиковал отдельные построения и рекомендации физиократов).

Главная и непреходящая заслуга Ф. Кэне и его единомышленников состоит в том, что они в отличие от меркантилистов источником богатства считали не сферу обращения, а сферу материального производства, ограничив, правда, ее сельским хозяйством и выделив в нем земледелие.

Производство экономических благ рассматривалось не как один единственный акт, а как постоянно возобновляемый процесс (термин «воспроизводство», считается, введен в научный оборот автором «Экономической таблицы»).

Центральная категория в учении физиократов – чистый продукт. Под ним понимается то, что остается у производителя после вычета всех издержек. Такое возможно, полагали Ф. Кэне и его сторонники, только в сельском хозяйстве, где происходит реальный прирост материи – «домашних животных или... растительных материалов». Всякое богатство есть не только материальный, но и потребляемый предмет. Последние прямо или косвенно – продукты земли. Зем-

ля отсюда – единственный источник богатства, и, стало быть, только земледелие увеличивает богатство общества.

Ремесленник – представитель «бесплодного класса». Он ничего не прибавляет к существующему запасу полезных предметов: придается только новая форма «материалам, извлеченным из земли... Деятельность мануфактуриста и торговца, хотя и полезна для общества, но не производительна; они извлекают свой доход... из излишков продуктов земледелия». Вот почему в «Экономической таблице» реализуют весь произведенный ими продукт, ничего не оставляя для «ежегодных авансов».

Отмеченные рассуждения являются отражением взглядов физиократов на значение ремесленного труда, приносящего мизерную долю в национальный доход страны. Отсюда становится понятным, почему судьба «бесплодного класса» Ф. Кэне не волновала. Он идеолог настоящих кормильцев и создателей национального богатства. Только фермеры, производя продукты земли, заинтересованы в эквивалентном обмене «по стоимости, по заранее установленной цене». Только в этом случае «человек, руководимый своей личной выгодой, будет действовать в то же время и на благо общества».

Анализируя сферу обращения, физиократы пришли к выводам, несовместимым с протекционистской идеологией:

- торговля (обмен) не может быть источником доходов и богатства;
- торговля является простым эквивалентным обменом ценностей;
- торговля может дать посреднику барыш, который – следствие снижения расходов и конкуренции между купцами.

Обмен сам по себе, основанный на принципе «даю, чтобы и ты мне дал» (*du ut des*), ничего не производит, но он полезен каждому из партнеров. «Если я, голодный, обмениваюсь своей бутылкой с вами, чувствующим жажду, на ваш хлеб, то обе вещи... становятся полезными, потому что они удовлетворяют крайней нужде двух лиц».

Вопреки утверждениям протекционистов ни внешняя, ни внутренняя торговля никакого реального богатства не приносит. «Все торговые нации одинаково ободряются тем, что они обогащаются от торговли, но – удивительная вещь – они все воображают, что они обогащаются за счет других. Приходится согласиться, что этот мнимый барыш в том виде, как они себе его представляют, должен быть весьма чудодейственной вещью, ибо, по их мнению, каждый выручает и никто не теряет» [3, с. 27].

Вне сомнения любая страна может оказаться в ситуации, когда в силу природно-климатических условий не может выращивать те или иные сельскохозяйственные культуры (из-за низкого качества почвы, недостаточного количества выпадающих осадков, солнечных дней и т.д.) или получает их (валовый сбор) меньше внутренней потребности. Тогда возникает объективная необходимость ввозить такие блага из-за рубежа, где они в избытке.

Возможна противоположная ситуация: страна располагает таким количеством благ, какое не может быть реализовано на внутреннем рынке и поэтому может «отдавать за границу те, которые она не может потребить, и вследствие этого внешняя торговля необходима». Но, по мнению Морсье де ла Ривьера, она **необходимое зло** (Ф. Кэне называет ее «просто терпимым злом», и может поэтому не нашлось места в «Экономической таблице» торговым посредникам).

По утверждению физиократов, полезен только такой обмен, при котором продукт переходит из рук земледельцев непосредственно в руки потребителей. Обмен же, заключающийся в покупке продуктов с целью их перепродажи, есть не что иное, как расхищение богатства, поскольку часть таких продуктов оказывается поглощенной торговцами (Кэрри).

Мерсье де ла Ривьер сравнивал коммерсантов с зеркалами, отражающими одновременно одни и те же предметы в разных ракурсах. Подобно зеркалам, они как будто умножают количество предметов и таким образом обманывают глаз при их рассмотрении.

Ф. Кэне и его единомышленники хотели таких порядков: покровительство вывозу для того, чтобы поддерживать курс национальной валюты и сохранять хорошую цену при избытке хлеба, разрешать ввоз продуктов только в случаях их недостатка, чтобы избежать дороговизны.

Физиократы категорически отвергали экономическую доктрину протекционизма, выступали против «благоприятного» торгового баланса. Более того, считали такое стремление безнравственным, хотя и признавали обязательным условие: «Необходимо, чтобы часть дохода, которая идет за границу в денежной или товарной форме, возвращалась обратно в страну» [4, с. 46].

Уже упоминавшийся Мерсье де ла Ривьер развенчал саму идею «благоприятного» баланса: «Ну, слепой и глупый политик, я исполняю ваше желание. Я дам вам всю массу денег, находящихся в обращении у наций, с которыми вы ведете торговлю; вот они все у вас, – что вы сделаете с ними?» Ривьер показывает, что ни одна чужая страна не сможет в таком случае покупать, и что, следовательно, прекратится всякий ввоз; во-вторых – чрезмерная дороговизна приведет к необходимости покупать вовне и вывозить деньги, что «будет единственной мерой спасения».

Возникает вопрос: почему Ф. Кэне и его сторонники поддерживали принцип «Laissez faire, laissez passer!» (Не мешайте действовать, не вмешивайтесь!)?

Полного ответа в сочинениях физиократов нет, даже в статье Ф. Кэне «О торговле» (1766 г.). Отдельные мотивы и аргументы лидер физиократов приводит. Интересы государства и торговых посредников далеко не всегда совпадают: «... государство должно стремиться к строжайшей экономии расходов на свою торговлю, в то время как коммерсанты хотят максимально увеличить себе наибольшую прибыль в ущерб народу». Государство должно защищать своих национальных товаропроизводителей, но «эта защита не может заключаться в особенных привилегиях; она касается лишь неприкосновенности и безопасности (от пиратов, бандитов и иностранных коммерсантов) передвижения, которую обеспечивает государство своими наземными и морскими силами», но не более (таможенными пошлинами, особым финансовым режимом и т.п.).

Физиократы уверены в необходимости защиты свободной конкуренции товарообменных операций как во внутригосударственных рамках, так и в международном масштабе: «... те, кто исключит из торговли иностранцев, будут в отместку исключены из торговли других наций» [4, с. 47]. Рост торговых расходов и сокращение объемов самой торговли станет следствием этого. Число потребителей (покупателей) всегда растет там, где увеличиваются средства к существованию, «но лишь свободная конкуренция иностранных торговцев может определить наилучшую цену, и лишь высокая цена способна обеспечить и поддержать достойный уровень жизни населения данного королевства – благодаря успехам в сельском хозяйстве».

Необходимо обеспечить, считают физиократы, свободу как внутренней, так и внешней торговли во имя «хорошей цены» на продукты и прежде всего на зерно, «так как самая надежная, самая верная и самая выгодная для народа и государства политика ... заключается в полной свободе конкуренции» [4, с. 48]. Только высокая цена может обеспечить и поддерживать богатство страны и ее население, «живущее милостями земледелия».

Сторонники «естественного порядка», пожалуй, впервые предприняли попытку раскрыть смысл и механизм такой запретительно-протекционистской меры, как таможенная пошлина. «Иностранец ничего не продаст вам, если вы не заплатите ему той цены, какую дали бы ему другие нации. Если вы наложите пошлину на его товар, то она будет надбавкой на истинную цену товара и иностранец вернет ее; эта пошлина на ввоз будет выплачена вам вашими отечественными покупателями» [4, с. 47].

В условиях международного обмена казалось бы целесообразным прибегнуть к взаимному использованию импортных пошлин. Однако «установленная у соседней нации пошлина на ввоз вредит продающей нации постольку, поскольку уменьшается возможное потребление ее продуктов. Такое косвенное последствие неизбежно, но можно ли вызвать его ответными пошлинами? Англия наложила на французские вина чрезмерные пошлины, сильно тормозящие у нее сбыт вина; но если вы со своей стороны обложите пошлиной ее товары, будет ли она в состоянии больше покупать ваших вин? Вредом, который вы причините ей, устранится ли вред, который она причиняет вам?» [3, с. 32].

Вопрос явно риторический, поскольку от введения продающей стороной таможенных пошлин получить какого-либо экономического эффекта невозможно. Только при свободе торговли никто не может купить больше, чем продать. Свобода купли-продажи является единственным условием, обеспечивающим «продавцу цену товара, способную стимулировать производство, а покупателю – наилучший товар по минимальной цене».

Идеи физиократов попытался реализовать министр финансов Франции А. Тюрго. Он ввел свободную торговлю мукой и зерном внутри государства, уничтожил монополию помола зерна и его продажи в Лионе, предоставил право свободного ввоза и беспошлинного вывоза зерна из королевства, разрешил ряду городов страны вести прямую торговлю с колониями. А. Тюрго разрешил свободную продажу вина, освободил от ряда ограничений производство шелковых

тканей. Міністр–реформатор упразднил ремесленные цехи и гильдии, заменил натуральную дорожную повинность денежной податью, снял пошлины при въезде в отдельные города.

Начинания А. Тюрго встретили сопротивление со стороны дворянства. К несчастью, и природа оказалась неблагодарной к своим почитателям– физиократам: она посылала несколько лет подряд неурожай. Народ возложил ответственность за ухудшение своего состояния на все нововведения. Либеральные эдикты 1763 и 1766 гг. были отменены в 1770 г., через четыре года восстановлены и в 1777 г. окончательно отменены Ж. Жеккером. Чередующиеся введения и отмены нормативных актов свидетельствовали не только о колебаниях общественного мнения относительно реформ, но и правящей элиты.

Объяснение происходившему содержалось в книге неапольского монсеньера при французском дворе аббата Галиани «Диалоги по поводу торговли хлебом» (1770 г.). Автор не против принципа «Laisser faire». «По возможности ничего не надо запрещать, – пишет аббат. – Всякий раз, как представляется случай, нужно становиться на сторону свободы», всегда сообразуя принципы со временем, местом и обстоятельствами.

Вне сомнения заслуга физиократов состоит в противопоставлении принципа «Laisser faire» доктрине протекционизма.

По утверждению Ш. Жида и Ш. Риста, свобода торговли сводилась у физиократов главным образом к уничтожению весьма прославленных при старом режиме мер, сводившихся к запрещению вывоза хлеба за границу и свободной торговли внутри. «Но если это первоначальное представление о свободе торговли было узко, то оно не замедлило перерасти породившие его условия и превратиться в основной принцип абсолютной свободы конкуренции в том виде, как ее в наше время формулирует Вальрас: «Свободная конкуренция при обмене обеспечивает в конце концов максимум полезности для каждой страны, или, что то же, максимальное удовлетворение потребителей».

Ф. Кэне, В. Дюпон де Немур, В. Мирабо, А. Тюрго, Л. Летрона и другие физиократы были сторонниками свободной торговли, поскольку «естественный порядок предполагает для каждого свободу продавать или покупать, как ему угодно и не соображаясь с тем внутри или вне страны, так как сам естественный порядок не признает границ; наконец, потому, что свобода обеспечивает хорошую цену» [6, с. 36].

Благодаря физиократам получил права гражданства один из наиболее значимых принципов доктрины свободной торговли. Его подхватили и развили прежде всего представители английской классической экономической науки – А. Смит и Д. Риккардо; не оказались в стороне и французы, в частности Ж.-Б. Сэй и Ф. Бастиа.

Литература:

1. Стригис Ю.П. История экономики: Учебник/ Ю.П. Стригис. – М.: ТК Велби, 2007. – 518 с.
2. Березин И. Краткая история экономического развития: учебн. пособ/ И. Березин. – М.: Русская Деловая Литература, 1998. – 288 с.
3. Кэне Ф. Избранные экономические произведения/ Ф. Кэне. – М.: Соцэкгиз, 1960. – 417 с.
4. Бейтон А. 25 ключевых книг по экономике / А. Бейтон, А. Казорла, К. Делло, А. Дре. – Челябинск: Урал, 1999. – 559 с.
5. Виппер Р.Ю. История нового времени/ Р.Ю. Виппер. – К.: Ника-центр, 1977. – 621 с.
6. Жид Ш. История экономических учений: перев. с англ./ Ш. Жид, Ш. Рист. – Серия “Экономическое наследие”. – М.: Экономика, 1955. – 544 с.

Анотація

ФІЗІОКРАТИ ПРО ВІЛЬНУ ТОРГІВЛЮ ТА КОНКУРЕНЦІЮ

Кривуц Ю.М., к. е. н., професор
Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна

Стаття присвячена історії виникнення головного принципу доктрини вільної торгівлі «Laisser faire...»

Ключові слова: виникнення, формування, принцип, доктрина, вільна торгівля.

Summary

FIZIOKRATY ABOUT FREEDOM OF TRADE AND COMPETITION

Krivuts J. N., Ph.D., professor
V.N. Karazin Kharkiv National University

The article is devoted history of origin of fundamental principle of doctrine of free trade «Laissez faire...»

Key words: origin, forming, principle, doctrine, free trade.

Поступила в редакцію 23.12.2010 з.